

ГЛАВА 1

*США, штат Пенсильвания,
Филадельфия, лето 1966 года*

На площади перед Индепенденс-холлом, или Залом независимости, выстроенном в георгианском стиле в семнадцатом веке по плану Уильяма Пена, было многолюдно. Несмотря на жаркий день, старательный счетовод насчитал бы здесь с полтысячи зевак. Люди старались укрыться в тени прилегающего парка, лишь на короткое время выходя на палящее солнце. Они бы и совсем не выходили, но иначе им было не попасть в объективы камер и они не имели бы возможности сказать несколько слов в микрофоны журналистов. А какой американец не хотел бы заявить о личном отношении к празднуемым событиям, когда речь идет о Дне независимости? Вот и выныривали они из благодатной тени деревьев под беспощадные солнечные лучи, как только в поле зрения появлялся новый

фургон газетчиков или скромный микроавтобус сотрудников радио.

Ричард Хелмс сидел в парке напротив здания Зала независимости и размышлял. Будучи уроженцем Пенсильвании, он любил Филадельфию, считал ее своим личным достоянием и мог без устали рассказывать о том, насколько значимы для истории Америки события, происходившие в Филадельфии начиная с 1776 года. Земля родного города несла на себе исторический след: именно здесь в 1776 году была принята Декларация независимости, а в 1787 году и Конституция США. Здесь, в специальном павильоне, находился Колокол Свободы, главный символ становления Соединенных Штатов, своим звоном впервые возвестивший о принятии Декларации независимости британских колоний от влияния Великобритании.

Здесь же располагался и зал Конгресса, где был подписан Билль о правах, а также Дом-музей Бетси Росс. Согласно легенде, Бетси была швеей, и именно она сшила первый американский флаг. Разве не удивительно, что в одном месте произошло столько знаковых для всей Америки событий? И то, что он, Ричард Хелмс, действующий директор Центрального разведывательного управления, родом из Филадельфии, придавало данному факту

ТАШКЕНТСКОЕ ЗАТМЕНИЕ

значимость, сродни чуду или провидению. В молодости Хелмс никак не ассоциировал свою личность с разведкой. Отучившись в колледже Уильямса, получил степень бакалавра, занимался журналистикой. Затем, после того как в Берлине во время Олимпийских игр ему удалось взять интервью у Адольфа Гитлера, получил место в газете «Индианаполис таймс», уже на правах менеджера по рекламе. Но ведь где реклама, а где разведывательная деятельность!

Если бы не война, вряд ли его жизнь изменилась бы так круто. В 1942 году его призвали на действительную военную службу. Имея за плечами опыт работы журналистом, он прошел отбор для прохождения шестидесятидневных курсов при Гарвардском университете, после чего был произведен в лейтенанты ВМС. В войска он не попал, кто-то в штабе посчитал, что на штабной работе от Хелмса будет больше пользы, и не ошибся. Уже через год он служил в Управлении стратегических служб (OSS), только что сформированной первой объединенной разведывательной службе при Объединенном комитете начальников штабов. В функции управления входила координация шпионской деятельности в тылу врага для всех видов Вооруженных сил США. Именно на ее основе после окончания войны было создано

Центральное разведывательное управление, директором которого он теперь являлся.

Был ли он доволен изменениями? Или был разочарован? На этот вопрос у Хелмса ответа не было, по крайней мере на данный момент. В должность он вступил четыре дня назад, президент Линдон Джонсон лично рекомендовал его на вакантное место после отставки Уильяма Рейборна. Хотя сам Хелмс считал, что де-факто исполняет обязанности директора ЦРУ больше года, с тех пор, как тот же президент Джонсон назначил его первым заместителем Рейборна. По сути, Рейборн так и не стал директором ЦРУ. Не его это было место, просто не его. И все же что-то изменилось с того момента, как Хелмс официально принял должность. Что-то неуловимое, странное и несколько пугающее.

Возможно, так Хелмс ощущал возросший груз ответственности, для него вступление в должность означало высшую степень доверия президента. Да, в принципе, так оно и было. В приватной беседе президент Джонсон так и сказал ему: «Америка в моем лице возлагает на вас, Ричард, большие надежды». Хелмс считал себя истинным патриотом своей страны, не оправдать ожидания президента, и тем более ожидания американского народа, он позволить себе не мог.

— Скучаешь, Ричи?

Голос прозвучал откуда-то из-за спины. Хелмс открыл глаза и повернулся на звук. Впрочем, для того, чтобы понять, кто решился нарушить его уединение, видеть собеседника ему было не обязательно. Лишь один человек на земле называл его сокращенным именем «Ричи» — его сослуживец Дэвид Уильямс. Хелмс не ошибся, за скамейкой стоял именно он, бывший командир подразделения Военно-морских сил США. Как всегда, подтянутый, с широкой улыбкой на выразительном лице, высокий брюнет, сводивший с ума противоположный пол в возрасте от пяти до восьмидесяти пяти лет.

— Привет, бродяга! Составишь компанию? — Хелмс похлопал ладонью по скамье, предлагая собеседнику присесть.

— Даже не знаю, дозволено ли мне сидеть в присутствии такой важной персоны, как ты, Ричи, — улыбка на лице Дэвида расплылась еще шире.

— Не попробуешь, не узнаешь? Верно, Дэйв?

С Дэвидом Уильямсом Ричард Хелмс мог чувствовать себя свободно при любых обстоятельствах. Их дружба, зародившаяся в те времена, когда оба они зелеными лейтенантами прибыли в место своего первого назначения, переросла в нечто большее, чем просто дружба двух сослуживцев. С далекого сорок

третьего их профессиональные пути разошлись. Хелмс продолжил работу на правительство, Уильямс же предпочел уйти в бизнес. Казалось бы, такие разные пути, но дружба от этого только окрепла.

— Верно, Ричи. Не попробуешь, не узнаешь, — Дэйв повторил за другом любимую поговорку времен лейтенантской службы.

— Как ты узнал, что найдешь меня здесь?

— Где же тебе еще быть четвертого июля? Разве мой друг Ричи упустит возможность приобщиться к празднованию столетия провозглашения независимости Америки? К тому же после того, как страна возложила на него большие надежды!

— Ты и это знаешь?

— Что именно?

— Ничего, забудь, — на минуту Хелмс решил, что другу известно, о чем говорил с ним президент, но он тут же отбросил это предположение. Дэвид Уильямс всего лишь бизнесмен, у которого нет доступа к секретной информации, тем более к сведениям о частных беседах президента.

— В точку попал? — Дэвид улыбнулся.

— Как всегда, Дэйв.

— Тебя легко просчитать, если знать так, как знаю тебя я, — Дэвид достал из нагрудного кармана пачку сигарет, закурил.

— Ты тоже далеко не закрытая книга, — в тон другу произнес Хелмс. — Снова разлад в семье?

— С чего ты взял?

— День независимости ты всегда проводишь в обществе сыновей, а сейчас я их поблизости не вижу, — прокомментировал свои выводы Хелмс. — Значит, Эбби снова увезла мальчиков к мистеру Берку. А раз так, у вас в семье разлад.

— Ты меня раскусил, — Дэвид поднял руки вверх. — Сдаюсь на милость победителя. Эбби снова хандрит.

— Что на этот раз?

— Мальчики слишком быстро выросли. Шестнадцать лет — уже не дети, а Эбби не хочет признавать данный факт. Впрочем, как и сами мальчики. Им нравится опека мамочки, они не желают взрослеть и брать на себя ответственность.

— А тебя это не устраивает, — закончил за друга Хелмс.

— Кого бы устроило? Мне нужна смена, нужны помощники в бизнесе. Нужна мужская поддержка в семье, в конце концов! А что получаю я?

— И что же получаешь ты?

— Оппозицию, мой друг, вот что я получаю. Возможно, все дело в деньгах. Не стоило приучать

семью к тому, что в доме может быть только один кормилец.

— Ты о том, как не пустил Эбби работать? — Хелмс улыбнулся.

История с трудоустройством Эбби произошла пятнадцать лет назад, но для семьи Уильямса не потеряла актуальности. Тогда Эбби, мать годовалых двойняшек Тома и Адама, заявила Дэйву, что больше не намерена сидеть дома. Она, мол, взрослая, независимая женщина с высшим образованием и должна начать строить свою карьеру, а он, Дэйв, пусть обеспечит мальчиков достойной няней. Оставить долгожданных близняшек на приходящую няню — об этом Дэвид даже думать не хотел, поэтому он развернул настоящую войну против горячо любимой желавшей работать жены, перетянув на свою сторону всех, начиная от родителей Эбби и заканчивая консьержем в многоквартирном доме, где они тогда жили. В итоге Эбби сдалась, отказалась от своих амбиций и осталась просто матерью и женой, но время от времени устраивала мужу «профилактические встряски» в отместку за упущенные возможности.

— Не шути на эту тему, слишком болезненно.

— Ладно, не грусти. Нельзя получить все сразу, это закон жизни, — фраза прозвучала с некоторой ноткой тоски, что не укрылось от Дэйва.

— Что, печаль заела? — сочувственно спросил он.

— С чего ты взял? — в отличие от Дэвида, Хелмс не спешил признаваться в собственных проблемах.

— Как я сказал ранее: тебя легко просчитать. Рассказывай, друг, о чем твоя дума: работа или личное?

— Если бы личное...

Хелмс тяжело вздохнул. Ему хотелось выговориться, хотелось получить поддержку, хотелось разделить свой груз с кем-то, кто не совсем в курсе «закулисных интриг высшего света», но он не мог себе этого позволить. Должность не позволяла.

— Тяжко?

— Не то чтобы очень... Просто пока все непонятно, зыбко, что ли...

— Две головы всегда лучше одной, — как всегда, в разговоре о проблемах друга Дэвид перешел на задушевный тон. — Выкладывай, о чем у тебя голова болит. Глядишь, вместе и найдем решение.

— Ты же знаешь, я не вправе обсуждать свою работу с кем бы то ни было. Даже с тобой.

— А ты и не обсуждай. Не обязательно говорить открытым текстом, чтобы найти решение проблемы. Тебе ли этого не знать? Хочешь, я сам назову то, что тебя тревожит?

— Попробуй, — согласился Хелмс.

— У тебя новая должность, сложная и ответственная. Хочется показать себя, доказать, что получил ты ее не напрасно. Хочется оставить след в истории любимой страны, и не какой попало, а такой, чтобы не стыдно было родственникам в глаза смотреть. Начало — самое главное. От первых шагов, от первых действий и решений зависит, как пойдет дело дальше. Сколько их было до тебя, директоров? Один Аллен Даллес чего стоит! Кто-то был хорош, кто-то не очень, и ты никак не решишь, какой тактики придерживаться, чьему примеру следовать, а главное, как избежать ошибок. Я верно уловил суть, Ричи?

— В целом — да, — Хелмс помедлил, прежде чем продолжить. — Слишком поверхностно, прямолинейно, но суть ты уловил.

— Есть какая-то конкретная задача, с которой ты должен справиться лучше, чем твои предшественники? — осторожно поинтересовался Дэвид.

— Задачи есть всегда, и конкретные, и абстрактные, на любой вкус, но моя головная боль не об этом, — Хелмс тщательно подбирал слова, чтобы не сказать лишнего. — Движение — вот чего сейчас не хватает вверенному мне подразделению. Копошиться в общей куче, выискивая пригодные

для пищи зерна, — это не для меня. Хочется чего-то свежего, по-настоящему полезного для безопасности страны, понимаешь?

— Понимаю. — Дэвид с минуту молчал, затем выдал: — Вот что я скажу тебе, друг: не изобретай велосипед. Возьми старую, проверенную годами марку, модернизируй и катайся в свое удовольствие. Поверь, со старой моделью в новом формате ты никогда не прогадаешь!

— Старая модель в новом формате? Не слишком кардинально, — Хелмс улыбнулся, но улыбка получилась не слишком веселой.

— Подумай об этом, — повторил Дэвид и резко сменил тему: — Смотри, новый фургон подъехал, сейчас народ к нему полетит как пчелы на мед. О! Да это же сам легендарный Ален Коэн! Кстати, ваше ведомство как-то борется с такими, как Коэн? Или вы предпочитаете делать вид, что их не существует?

Ален Коэн работал редактором подпольной газеты «Оракул Сан-Франциско», одного из нескольких подпольных изданий, которые зарабатывали себе на хлеб тем, что предлагали американскому читателю иную интерпретацию официальных новостей, начиная от столичных слухов и заканчивая сплетнями маленьких городков. По сведениям ЦРУ, Коэн

и еще четверо его коллег, редакторов самых ранних подпольных изданий, вынашивали план создания Синдиката подпольной прессы, который якобы должен был создать серьезную конкуренцию таким мастодонтам, как «Нью-Йорк таймс» и ей подобные. Конечно, Центральное разведывательное управление держало руку на пульсе, контролируя влияние подпольных газет на умы американцев, но Дэвиду Уильямсу Хелмс об этом сообщать не планировал.

— Пойдем послушаем, что твой «легендарный» Коэн вешает народу, — Хелмс поднялся со скамьи и пошел к фургону.

Пока друзья пересекали лужайку, вокруг фургона Коэна успела собраться приличная толпа. Коэн, в белоснежной рубашке, умело формировал из толпы организованную группу, оттесняя самых шустрых за одному ему видимую границу, оставляя в центре аккуратный круг, где его помощники устанавливали аппаратуру.

— Похоже, он здесь надолго, — прокомментировал действия Коэна Хелмс.

Коэн меж тем разогревал толпу. Одно словечко брошено пожилой даме, каверзный вопрос — солидному джентльмену, шутка студентам, пожелание приятного дня — молодой мамаше. Спустя пару ми-

нут народ на площади в буквальном смысле заглядывал в рот Алену Коэну. А тот сыпал короткими вопросами, отвечать на которые позволял весьма пространно, и практически не выдавал комментариев. У людей создавалось впечатление, что репортеру важно не столько то, о чем он спрашивает, сколько то, что ему отвечают. Открыто, пространно, честно.

«Социальные льготы малоимущим: что вы думаете о данной инициативе президента?» — обращался Коэн к молодой маме с пузатым младенцем на руках и терпеливо держал перед ее лицом микрофон, давая возможность высказаться от души. «Медицинские гарантии: как коснулись вас изменения в здравоохранении?» — Коэн переходил к пожилой паре, и та наперебой, с умиленными взглядами, рассказывала, как благодаря нововведениям президента Джонсона их подагре и артриту «поджарили хвост».

— Интересно, почему он лично командует парадом? Он ведь редактирует газету и, насколько мне известно, сам интервью не берет и репортажи не ведет? — рассматривая толпу, любопытствовал Уильямс.

— Возможно, сегодняшний выезд имеет особое значение, да какая нам, собственно, разница? — небрежно проговорил Хелмс.

На самом деле замыслы Коэна, как и замыслы тех, кто находился в толпе, заинтересовали его гораздо сильнее, чем он готов был показать. Натренированный глаз Хелмса сразу вычислил ребят в неброских серо-коричневых футболках. В людской массе их было не так уж много, но их вид не вязался с празднично настроенной публикой. Напряженные позы, внимательный, рыскающий взгляд и строго подобранные позиции — вот как их видел директор ЦРУ. Хелмс насчитал около двух десятков парней в футболках, тогда как блюстителей правопорядка по всей площади перед зданием Индепенденс-холла курсировало не больше дюжины. Он направился к полицейскому в чине капитана, но тут путь ему преградил Ален Коэн. Он сунул микрофон на длинном штативе Хелмсу в лицо и громко спросил:

— А каково ваше отношение к проблеме?

— Что? — машинально переспросил Хелмс. Сосредоточившись на парнях в футболках, он пропустил момент, когда Ален Коэн завел дискуссию с окружающими его людьми, и, естественно, не уловил и сам вопрос, и тему дискуссии.

— Каково ваше мнение, на чьей вы стороне? — повторил вопрос Коэн, полагая, что дополнительных комментариев не требуется.